

ВЕРА И ВЕРОВАНИЯ СИБИРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА (эпоха Екатерины II)

Взаимоотношения светской и духовной культуры во второй половине XVIII в. в России - сложный процесс, в котором переплетались самые разные явления, влиявшие на мировоззрение сибиряков. В данной статье предпринимается попытка на основе новых источников рассмотреть важнейшие группы суеверий, характерных для жителей Сибири, а также отношение людей к официальной религии в условиях просвещенного абсолютизма Екатерины II.

Исследователи С. Серафимович, Н. Ядринцев, А. Копылов отмечали изобилие суеверий и предрассудков, царящих в сибирском быту в XVIII-начале XIX вв. [1]. Демоническое и мифологическое суеверие господствовало в жизни и выражалось в колдовстве, вере в «кикимор», «суседок», привидений. В лесах население жило под страхом «леших», «лесовиков», оно верило, что у зверей есть «хозяин»... Это проявление анимистического мирозерцания было свойственно не только сибирскому, но и всему русскому крестьянству XVIII в. Но в Сибири была своя специфика - вера в шаманов, их сверхъестественную силу.

Церковнослужители заботились о чистоте веры, и это ярко проявлялось в тех мерах, которые для этого принимались. В архивных материалах за период второй половины XVIII в. содержатся дела о различных суевериях в приходах. На имя митрополита Тобольского и Сибирского составлялся рапорт об имеющихся в их заказах и приходах «ложных чудесах, при иконах, кладезей, источников, неосвидетельствованных мертвых телес (и почитание их как святых мощей)» [2]. Такой рапорт следовало подавать один раз в полгода. Примечательно, что практически все рапорты, поданные в рамках проверки, свидетельствовали о том, что в приходах не зафиксировано суеверий и прочих перечисленных явлений. Однако в текущих делах содержится немало документов, которые говорят о том, что население Сибири было очень суеверным. Заговоры, колдовство, порчи, привораживания – предмет уголовных дел. Подобные дела можно разделить на несколько групп.

Первую группу составляли дела о так называемых лжеучителях, появление которых было связано с раскольничьим течением. Несмотря на то, что в Европейской России гонения на старообрядцев при Екатерине II практически прекратились, в Сибири носителей раскольничьей идеологии преследовали по-прежнему. В деле 1788 г. по обвинению крестьян Верещагиных, справивших обряд венчания по обычаям староверов, содержится копия указа Екатерины II, в котором она позволяет отправлять обряды по староверческому образцу [3]. Тем не менее местные власти бдительно отслеживали подобные явления, виновные наказывались. Наказание заключалось, в основном, в наложении церковной епитимьи¹. Духовное правление Тобольской духовной консистории издало указ о «поимке лжеучителей и тому подобных бродяг и ханжей, именующих себя монахами, совращающих граждан России в раскол. При поимке таковых, немедленно уведомить духовное правление в письменном виде». Поводом к изданию указа послужила поимка бежавшего из-за границы раскольничьего монаха Герасима. Наказаниям подвергались даже те, кого подозревали в укрывательстве у себя старообрядцев. Крестьян Степана и Якова Кулаковых обвиняли в укрывательстве лжеучителя Дияна Егорова, «совращающего жителей в раскол». Случай был настолько серьезным, что в него вмешался губернатор Чичерин, который получал донесения от епископа Варлаама. В ходе расследования выяснилось, что лжеучитель действительно некоторое время жил у этих крестьян и не был у святого причастия 10 лет [4].

Вторая группа дел о суевериях характерна именно для сибирского региона и связана с обращением в православие иноверцев. Процесс этот был очень сложным. По свидетельству надворного советника Франца Ланганса, составившего «Собрание известий о начале происхождения разных племен иноверцев, в Иркутской губернии обитающих», иноверцев, принявших православие, освобождали на три года от «ясадного платежа», строили в их селениях православные церкви и обеспечивали необходимый штат [5]. Однако часто эти меры не помогали, новокрещенные продолжали обращаться к привычным обрядам, игнорируя обряды православной церкви. Наказание предполагалось весьма суровое и содержало целый комплекс мер. Так, в деле 1774 г. по доношению Кординского правления о наложении епитимьи на новокрещенных остяков Петра Сажаева и Никиты Аричева «за шаманство, идолопоклонство и принесение идолам жертвы» предписывалось «ходить провинившимся в церковь, молиться богу за свое прегрешение, и класть всякий день и в церкви и дома по 40 поклонов земных и с молитвою, и давать им по силе своей нищим милостыню, чтобы бог отпустил им их грехи. А священникам часто их исповедывать, и до указанной резолюции святых тайн не приобщать, кроме смертного случая, и наблюдать, знают ли они молитвы» [6].

Третья группа суеверий – самая многочисленная и наиболее часто встречающаяся, судя по сохранившимся уголовным делам, – это суеверия бытового характера. А бытовые суеверия были связаны по большей части с лекарским искусством и магическими приворотами и предсказаниями. Жену поселника Устьзаостровской волости Омского уезда Варвару Вихореву обвинили в ворожбе на бобах и приговорили к наложе-

* © Н.Л. Хаит, Красноярский государственный университет, 2006.

¹ Епитимья – церковное наказание: пост, длительные молитвы.

нию епитимьи. В 1766 г. прихожанина Сретенской церкви города Ялуторовска Якова Плоских, работного человека завода графа Шувалова, также обвинили в колдовстве за попытку вылечить его брата с помощью заговоренной воды, которой он окатил больного, взяв за это плату в 30 копеек. А по уходу его «брат заболел еще пуще». В ходе двухгодичного разбирательства выяснилось, что Яков Плоских неоднократно лечил людей колдовским способом. Отставного солдата Семена Новоселова он исцелял от «родимцевой болезни» - «водами из трех рек по трем зорям, очертя ножом кресты, рассуждая, что болезненный недуг испугается ножа» [7]. Когда дело открылось, «волшебник» был допрошен, о чем свидетельствует протокол допроса, у него изъяли различные травы, коренья, «волшебные и присушные письма» и другие колдовские атрибуты (25 позиций по списку). Протопоп Федор Ярцов докладывал, что «колдун» был удален с завода, за которым он был закреплен, приговорен к наказанию плетьюми. В деле от 3 августа 1772 г. содержится обвинение крестьянина Шмакова – местного лекаря, в волшебстве и нанесении вреда жителям села Шмаковского Ялуторовского духовного правления. Было предписано допросить обывателей, которых лечил этот знахарь, которые и показали, что «онный лекарь с помощью волшебства», используя колдовские атрибуты – одежду наподобие савана, головной убор в виде шишака из бумаги, помог односельчанину – крестьянину Степанову найти потерявшегося в лесу ребенка, отслужив прежде молебны в доме Степанова. Производят впечатление не действия Шмакова, в них в общем-то нет ничего особенного, а именно атрибуты, использованные в обряде. Иногда в документах встречаются совершенно неправдоподобные истории. Крестьянина Григория Зубакина обвинили в волшебстве и наведении порчи на двух женщин и мужчину на свадьбе, вследствие чего одна из них «лаяла по-собачьи и драла на себе платье», затем жених Семен Горчаков «стоиал необычно», а после и вторая сваха одержима стала животной болезнью. Зубакин же и облегчил страдания внезапно заболевших с помощью колдовского ритуала с применением заговоренной воды и оловянного стакана [8]. В эпоху просвещения Екатерины II, указами которой повсюду, в том числе и в Сибири, открывались лечебные заведения, больницы и аптеки, шла подготовка лекарей, основанная на реалистичном изучении анатомии, крестьяне охотно обращались к колдунам и шарлатанам. Разбирательства по таким случаям длились по многу месяцев, а иногда и лет, заподозренным в суевериях, колдовстве, волшебстве и других отступлениях от православных канонов богохульникам предусматривалось жестокое наказание – применение плетей, наложение церковной епитимьи, публичное покаяние.

Проблема суеверий, кстати, была отражена и на страницах периодической печати. В тобольском научно-познавательном издании «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная» в 1793 г. была опубликована «Статья нравоучительная: рассуждение о заблуждении суеверных людей, а наипаче о толкователях снов», напечатанная с продолжением в нескольких номерах. Автор писал: «...Хотя сии нелепости отвергнуты нашего времени философами и учеными, но находятся и ныне множество слабых и незнающих людей, кои суть рабы суеверия. В простом народе видим мы тысячу различных манеров предсказания будущего, кои настолько глупы, чтобы подробно их описывать. Суеверный все на свете почитает оракулом: едва находит он под ногами своими соломинку или кусок заржавленного железа, которое почел бы он простым действием нечаянности...» [9].

При всем этом отношение сибиряков к церковным обрядам было весьма неоднозначным. Для человека эпохи просвещения характерно отдаление от церкви, вера в разум, рациональное, земное. Хотя в Сибири этот процесс проходил медленней, чем в европейской России, тем не менее он имел место. В 70- 80-е гг. XVIII в. случаи уклонения людей от исповеди и причастия в Сибири настолько участились, что заводились дела о взыскании штрафов с крестьян и посадских людей [10]. Такое дело представляет собой реестр записей о штрафах за несоблюдение религиозных обрядов. Эти штрафы пополняли церковную казну. Уклонение от исполнения церковных предписаний происходило, по-видимому, по разным причинам. Прежде всего от исповеди и причастия уклонялись раскольники. Дело крестьянина села Свидерского Тарского заказа Данила Носкова содержит свидетельство о том, что этот крестьянин не был у святого причастия 3 года и угрожал самосожжением, если его принудят к этому. Судя по способу, который хотел применить крестьянин, он был старообрядцем, поскольку самосожжение – традиционная мера раскольников. Каждый такой случай тщательно расследовался, виновные подвергались наказаниям.

Однако не только старообрядцы манкировали хождением в церковь. В 1773 г. послушник Троицкого Тюменского монастыря архимандрит Софроний доносил епископу Варлааму: «Хотя полученные книжицы увещевания раскольникам ко святой церкви и печатаются, и приказания о них священников многократно прихожанам бывает, но наипаче к святой литургии в воскресные и праздничные дни и на исповедь, и на приобщение святых тайн прихожане за упорством своим не приходят...». Далее архимандрит поясняет: «В воскресные дни в торговом ряде торжище великое производят и пьянствуют в кабаках и тем отвратились от церкви и на исповедь уже из года в год меньше приходят, да и молитвам святым в силу указов обучать в церкви за нехождением прихожан некого, а от светской команды в воскресные дни на рынке торговать запрещения нет, а к хождению в церковь на исповедь и святое причастие принуждения не чинятся...» [11]. По всему видно, что светское времяпровождение, особенно в праздничные дни, интересовало народ куда больше, чем чтение молитв и покаяние.

Как свидетельствуют источники, мировоззрение сибирского населения основывалось на разных, порой прямо противоположных друг другу явлениях: языческие обряды инородцев соседствовали с православными канонами, а светские постулаты просвещения и как следствие отдаление людей от церкви причудливо сочетались с самыми странными суевериями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Серафимович С. Очерки русских нравов в старинной Сибири / С. Серафимович // Отечественные записки, 1867. окт., кн. 2, с. 703; Ядринцев Н. Сибирь как колония в географическом и историческом отношении / Н. Ядринцев. – Спб., 1892. - С. 553; Копылов А.Н. Культура русского населения Сибири в XVII-XVIII вв. / А.Н. Копылов. - Новосибирск: Наука, 1968. - С. 123.
2. ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 2, д.1169, л. 3.
3. Там же, ф. 341, оп. 1. д. 8.
4. ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 3, д. 465, 923.
5. ГАКК, ф.805, оп.1, д. 78.
6. ТФ ГАТО, ф.156, оп. 3, д. 1743.
7. ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 2, д. 1622, л. 1, 6.
8. ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 2, д. 2688, 2026.
9. Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная. Ч. 3. - Тобольск, 1793. - С.117.
10. ГАКК, ф.122, оп. 1, д. 26.
11. ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 3, д. 2083, 49.